

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ**

Враги человеку – домашние его?

Непростые истории верующих детей и неверующих родителей с комментарием священника.

Могут ли дети учить и наставлять своих родителей, да еще в таком важном и деликатном вопросе, как вера в Бога и отношение к религии? Казалось бы, ответ очевиден и прекрасно выражен в известной всем формуле - «Яйца курицу не учат». Но это если дети еще маленькие. А вот как быть взрослым детям, которые выросли в неверующих семьях, и потом, уже в зрелом возрасте самостоятельно пришли к вере?

К сожалению, об этом народная мудрость не говорит ничего, поскольку в традиционном обществе сокровище веры передавалось из поколения в поколение, как самый драгоценный капитал. Единство веры у детей и родителей было естественным следствием такой традиции, поэтому пословиц и поговорок, описывающих религиозные противоречия внутри семьи, народ как-то не придумал - не с чего вроде было.

Зато после революции 1917 года такие противоречия стали одним из самых ярких проявлений национальной трагедии. Молодые люди вступали тогда в «Союз воинствующих безбожников», в дни церковных праздников устраивали шутовские «крестные ходы», срывали со стен родительских домов иконы, ломали кресты на деревенских кладбищах, где покоились их прадеды, и разоряли храмы, в которых их самих когда-то крестили. Верующим родителям они безапелляционно заявляли, что никакого Бога нет и никогда не было, человек произошел от обезьяны, весь мир просто потихоньку взял и возник сам по себе, а они (папа с мамой) ничего об этом не знали только потому, что зловредные попы держали народ в темноте и невежестве.

Спустя восемь десятилетий времена государственного атеизма закончились, Церковь перестала быть гонимой, в храмы потянулись люди. И снова переломная эпоха провела в обществе разделительную черту между поколениями. Только на этот раз все повторяется с точностью до наоборот: теперь уже неверующие родители ругают Церковь и священников, запрещают своим сыновьям и дочерям ставить в доме иконы, а их веру в Бога воспринимают как симп-

том психического заболевания. Конечно, есть и такие семьи, в которых подобные конфликты протекают менее жестко или вовсе отсутствуют. Но все же очень многие молодые люди, приходя в Церковь, сталкивались и продолжают сталкиваться с этой проблемой. И как же тяжело бывает на сердце, когда видишь, что между тобой и самыми дорогими и близкими для тебя людьми вдруг выросла глухая стена непонимания, и ни пробить тебе ее, ни объехать...

О попытках преодолеть эту отчужденность, о своих удачах и поражениях на этом непростом пути, наверное, могут рассказать почти все верующие дети неверующих родителей.

Вот четыре такие истории, рассказанные нашими современниками.

«Где был твой Бог?»

Олег, учитель географии в средней школе, 28 лет

Мама вырастила меня одна. Так уж получилось, что отца своего я и не видел ни разу, а бабушек и дедушек у нас тоже не было. Мама работала рядовым инженером на небольшом машиностроительном заводике, выпускавшем пылесосы, стиральные машины и еще какую-то бытовую дребедень. Зарабатывала немного, но других промышленных предприятий в нашем маленьком поселке просто не было, и она брала сверхурочную работу на дом. Или за небольшие деньги помогала студентам-заочникам готовить курсовые и дипломные проекты. Я до сих пор помню, как часто по вечерам мама подолгу сидела над разложенными на столе огромными листами бумаги, которые она называла загадочным словом «ватман», и сосредоточенно вычерчивала на них что-то при помощи здоровенной линейки с не менее загадочным названием - «рейшина». Мы всегда с ней дружили и во всем друг друга понимали. Да и как могло быть иначе, ведь это именно она возила меня летом к морю, она учила меня плавать и кататься на велосипеде, показывала, как завязывать на ботинках шнурки не на узел, а - бантиком... Даже гвозди забивать учила

меня она. Я всегда мог рассказать ей свою самую страшную тайну или проблему, я смело делился с ней любимыми своими планами и знал - мама все поймет, а если надо - поможет.

Но когда я уверовал в Бога и пришел в Церковь, наше взаимопонимание вдруг резко оборвалось. Я тогда еще учился на четвертом курсе областного педуниверситета, но домой ездил каждую неделю, благо езды до нашего поселка - всего два часа на автобусе. В один из приездов мама увидела у меня на шее крест, увидела иконы Спасителя и Божьей Матери, которые я достал из сумки и поставил в своей комнате на тумбочку у кровати. И как-то сразу то ли напряглась, то ли растерялась - даже не знаю, как это назвать. Нет, я, конечно, и раньше рассказывал ей, что познакомился с ребятами из православного братства, рассказывал, какой замечательный у нас батюшка, как мы все вместе ездим в паломническую поездку на Валаам... Тогда она слушала мои восторженные рассказы с интересом, и, наверное, считала все это лишь какой-то разновидностью туризма с этнографическим уклоном. Но когда я начал дома читать молитвенное правило, класть поклоны и ходить в храм на богослужения, мама стала смотреть на меня испуганно, как если бы в доме вместо меня появился кто-то чужой. Нет, она не ругала меня, не спорила и не пыталась разубедить. Просто сразу отстранилась от всего, что стало для меня очень важным, от всего, что было связано с верой и с Церковью. Никогда не забуду, как однажды я попытался рассказать ей о Христе, о покаянии и о том, как это важно - поверить в Бога, в Его любовь. Мама выслушала меня, а потом сказала каким-то незнакомым, больным голосом: «Где же Он был, твой Бог, куда же Он смотрел-то, когда... - она вдруг оборвала фразу, но после все же закончила, как бы через силу: - И зачем, тогда Он нужен, даже если Он есть на свете?»

И заплакала. Она, сгорбившись, сидела на табуретке, маленькая и несчастная, словно обиженная девочка. И тихо плакала. А я стоял возле нее столбом, молчал, как дурак, и впервые в жизни не понимал, чем ее утешить. Просить прощения - вроде бы не за что, ничего плохого я ведь не сделал. Что же тогда? Я не знал. Просто стоял рядом и молча гладил ее по седеющей голове, а она все плакала и плакала, и не говорила ни слова...

С тех пор я никогда больше не пробовал беседовать с ней о вере. И молиться стараюсь так, чтобы мама этого не видела. Я не знаю, что за горе случилось с ней когда-то, какая обида ледяной занозой до сих пор терзает ее сердце так сильно, что даже Бога она винит в этой беде. Я не знаю... Но мучить разговорами, которые причиняют ей боль - не хочу. Просто молюсь за нее, как умею, и надеюсь, что Господь меня когда-нибудь услышит.

«Мы всегда желали тебе только добра»

Светлана, студентка, 19 лет

После крещения я сразу же сказала родителям, чтобы теперь называли меня Фотинией, по крещаль-

ному имени, и что на «Свету» я больше не отзываюсь. Мама особо не возражала, а вот папа жестоко обиделся, потому что назвал меня в честь своей горячо любимой сестры. Ну, я ему и объяснила, что имя человеку дается при крещении не в честь родственников, а в память святого, который будет небесным покровителем этого человека, что для меня это - мученица Фотиния и ничего обидного для тети Светы тут нет. В общем, все ему рассказала как надо, но он все равно надулся и не разговаривал со мной несколько дней. Потом, правда, успокоился - мама уговорила не спорить. Я ведь у них дочка единственная, любимая. Если что считаю необходимым - обязательно своего добиваюсь, всегда так было. Сказала в восьмом классе, что мне нужна собака, и уже через месяц у нас в квартире появился сеттер, миляга Анзор. Хотя сначала тоже крику было: «Никаких собак в доме! Только через мой труп!» А просто я секрет знаю - капля по капле и камень долбит. Также два года назад папа у меня не хотел спортом заниматься. Я тогда ему сказала: «Пап, ну что это такое - тебе всего сорок пять, а у тебя уже живот как барабан. Давай-ка себя в порядок приводи». Он тогда тоже пыхтел, ругался, говорил, что живот солидности придает. А кончилось все тем, что пошли мы с ним в магазин, купили ему хорошие кроссовки и теперь бегаем вместе по утрам, причем мы с Анзором угнаться за папой не можем. Короче, интенсифицировать процесс в нужном направлении я еще в школе научилась.

Но вот с духовной жизнью пока ничего не выходит. Сколько я ни объясняю родителям, что им нужно креститься, что спастись можно лишь в Церкви; сколько не говорю, что пока они некрещенные, им даже повенчаться нельзя - бесполезно все. Уперлись не на шутку, никогда еще такого не было. Мама говорит: «У тебя раньше на стенах в комнате висели портреты твоих волосатиков любимых - Леннона, Кобэйна и прочих - мы с отцом ни слова тебе не говорили против. Теперь ты вместо них иконы повесила, календарь с портретом патриарха - мы тоже ничего против не имеем. Молись, постись, если это тебе нужно. Но нас с отцом оставь, пожалуйста, в покое со своей религией, у нас возраст уже не тот, чтобы жизнь ломать на новый лад. Только не забывай, дочка, что мы, хоть и неверующие, всегда стремились дать тебе самое лучшее и только добра тебе желали и желаем». И тут я возьми, и ляпни: «Добро неверующего человека - великолепное зло». В результате еще неделю не разговаривали, теперь они уже оба обиделись. А ведь это не моя мысль, так было написано в книге одного кавказского старца очень высокой духовной жизни. Но тут, правда, как оказалось, я накосячила здорово. Когда своему духовнику рассказала об этом, он посмотрел на меня, как на душевнобольную и велел немедленно бежать домой и просить у родителей прощения. Потому что добро по православному учению - всегда добро, кто бы его ни делал. Ну, что ж, ошибки я признавать умею, раз не права, значит не права. Побежала домой, как батюшка велел, и стала прощения просить. Родители подулись

немножко, но простили. Ведь любимая дочка-то, единственная же...

Короче, не представляю пока, как их воцерковить. Летом по воскресеньям они - строго на дачу, да еще на меня обижаются, что я не с ними еду, а в храм бегу. Что с ними делать - ума не приложу. «Священную войну» объявлять не хочется, жалко их... Да и батюшка говорит: «Потерпи, за руку к вере никто никого еще не приводил. Бог Сам человеку веру дает, когда видит, что он готов ее принять».

Я все понимаю и не спорю. Но иногда мне почему-то очень грустно становится и страшно за родителей. Ведь случись с ними чего, я даже записки об упокоении за них подать не смогу, за некрещеных...

«Хорошо ли тебе с твоим Боженькой?»

Татьяна, 28 лет

Отца своего я не помню, о нем в семье никогда не говорили, и даже фотографии его я не видела. Мама всю жизнь проработала в школе, преподавала историю. К вере я пришла самостоятельно. Сперва, в одиннадцатом классе, была потрепанная, почти рассыпающаяся книжечка - Новый Завет дореволюционного издания, которую я с большим трудом, под честное слово выпросила на три дня у подруги. Манил дух какой-то новой, неизвестной еще свободы, предчувствие чего-то очень важного и хорошего тихой радостью входило в душу. Я интуитивно понимала тогда, что вся мировая культура несет в себе отблеск этой невзрачной с виду книги. И мне хотелось наконец понять - на что же намекали в своих произведениях все кумиры моей юности, от Достоевского до Гребенщикова. С первой стипендии купила в букинистическом магазине Библию с иллюстрациями Доре. Мне очень нравилось погружаться в эти странные, не всегда понятные, но завораживающие своей древней красотой и мудростью слова. Потом наступил момент, когда я сказала себе: пора! Я пришла в церковь и крестилась. В тот год крещение было в моде. Вместе со мной у купели стояли пять или шесть человек. Никого из них я никогда больше в храме не встречала. А у меня сразу появилось ощущение, будто я наконец вернулась домой после долгого странствия.

Но вскоре в нашей семье началась война. Мама, воспитанная в духе воинствующего атеизма и сама всю жизнь борющаяся с «пережитками религиозного мракобесия» и «оболваниванием людей», восприняла мое обращение к вере как личное оскорбление. Это было очень обидно, я совершенно растерялась, плакала, советовалась с духовником. Батюшка утешал меня, как мог, обещал молиться за нас с мамой, но предупредил, что будет тяжело, и посоветовал вооружиться терпением. Однажды мне удалось уговорить маму своими глазами посмотреть на то, что она всю жизнь заочно обвиняла, имея об этом очень смутное представление. Мы пришли на службу вместе. Ни смысла, ни красоты богослужения она увидеть не сумела. Зато хорошо разглядела бездельников-попов, выпрашивающих у «боженьки» «великия

и богатия милости», затоптанный пол, на котором стоят на коленях какие-то толстые старухи, духоту и общую бессмысленность происходящего. С тех пор мама еще больше укрепилась в мысли, что ее дочь или сошла с ума, или просто издевается над ней. Она решила бороться за меня, а когда поняла, что никакие рациональные аргументы не действуют, попыталась очистить свой дом от всего, что считала дурманом и злом. Твердо потребовала убрать из квартиры все иконы, а однажды, когда я была в институте, собрала их в пакет и понесла на помойку. Я столкнулась с ней у лифта. После этого случая, мне пришлось врезать замок в дверь своей комнаты. Денег на то, чтобы разъехаться или хотя бы снять жилье, у меня не было. Жизнь постепенно превратилась в кошмар. Особенно обстановка накалялась во время постов. Скандалы в доме уже не прекращались, а однажды мама объявила, что с сумасшедшими ей обсуждать нечего, и пока у меня в голове затемнения, она не будет со мной разговаривать. Бойкот продолжался три недели, все знакомые и сотрудники мамы знали, что «церковники отняли у нее дочь и настраивают ее против родной матери». Мои неверующие знакомые знали, что если к телефону подойдет мама, их ждет долгий обстоятельный разговор о моем дурном поведении, с обязательной просьбой повлиять на меня в конце. Верующие - слышали лишь короткие гудки в трубке.

Окончилось это противостояние, только когда я вышла замуж за юношу из нашего прихода. Мише я давно нравилась, а ситуация в моем доме заставила его действовать решительнее, и он сделал мне предложение.

На венчание мама не пошла, из ЗАГСа на трамвае отправилась домой. Мы с Мишей поселились отдельно, сняли комнату в коммуналке - как говорится, уж лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой. Но мама не успокоилась. Каждая наша встреча по-прежнему кончалась скандалом и слезами, а Мишу она иррационально ненавидела настолько, что ни разу не обратилась к нему по имени.

Три года назад мама приватизировала квартиру на мое имя, привела в порядок все бумаги и через месяц после этого покончила с собой, приняв смертельную дозу снотворного. На похоронах все были подавлены, жалели меня, но одна из подруг матери все же не утерпела и спросила - хорошо ли мне теперь с моим «добрым боженькой»?

Весь этот ужас я не могу забыть до сих пор.

Скоро у нас с мужем родится ребенок. Но вряд ли мы расскажем ему когда-нибудь, как умерла его бабушка.

«На колени ни перед кем не встану»

Алексей, учащийся семинарии, 24 года

Наши отношения с родителями после моего прихода в Церковь напоминали договор о взаимном ненападении. Отец, когда узнал, что я хочу поступать в духовную семинарию, сказал мне прямо: «Знаешь, сынок, ты уже взрослый человек, сам решаешь, как

тебе жить и кому кланяться. Только меня, пожалуйста, в свои увлечения не впутывай. Не мое это, не могу я спокойно видеть, как людей на колени ставят, пускай даже и перед Богом. И сам никогда не встану, не так меня воспитали. Всю жизнь ни перед кем не гнулся и теперь не собираюсь на старости лет, и давай закончим на этом».

Отец у меня офицер, подполковник милиции в отставке. Всю жизнь в уголовном розыске, начинал после школы милиции простым оперуполномоченным, на пенсию вышел замначальником РОВД. Человек прямой и принципиальный, иногда даже слишком. Взятки не брал, на потеху всему району ездил на стареньком «Запорожце» и за все годы службы ни разу не ударил подследственного, да и подчиненным не разрешал устав нарушать, говорил, что «колоть» надо не кулаками, а на «доказах». Его и на пенсию-то «ушли» из-за этой его принципиальности сразу же, как только возраст подошел. Спорить с ним - напрасный труд, если уж чего сказал, значит, так и будет. Но тут я все же рискнул возражать: «Пап, - говорю, - ты прости, конечно, но ведь всем нам помирать когда-то придется. Неужели никогда не думал - как оно там будет? А если, вправду все это есть - и рай, и ад, и Страшный Суд? Нужно же хотя бы учитывать такую возможность, это же не шутки».

Отец посмотрел на меня внимательно, улыбнулся и сказал: «Сынок, я всегда, всю свою жизнь старался жить честно. И про смерть мне напоминать не надо, я о ней всегда помнил - работа такая была, сам знаешь... Если и будет там Суд, готов ответить за все. А на колени все равно ни перед кем не встану. Унижительно это и неправильно. Нельзя человека унижать, вот и весь тебе мой сказ».

С матерью все проще, она и свечки меня иногда просит поставить в храме за покойных наших бабушку и тетю Милу, и записки подает, но - тайком все. Не хочет отца расстраивать.

Вот так и живем. Мы с женой часто ходим к ним в гости, иногда они у нас бывают. О религии стараемся не говорить, но в пост мама всегда старается для нас что-нибудь вкусенькое приготовить из постных продуктов. А когда мы с женой читаем молитвы перед трапезой, отец тихонько выходит на балкон, типа - покурить. Он уже смирился с тем, что сын у него - будущий священник. Но принцип есть принцип. Хотя, быть может, и не в принципе тут дело.

Прошлой зимой мама сильно заболела и легла на операцию. Папа очень переживал за нее, места себе не находил. Я тогда предложил отцу вместе помолиться о том, чтобы у мамы там все прошло благополучно. Он как-то растерянно помолчал, подумал, а потом говорит: «Нет, извини, сын - не могу. Не выйдет. Если бы я верующий был... А так - нечестно получится. Прости, но не могу, ты уж сам как-нибудь...» И ушел на балкон, курить.

Слава Богу, мама выздоровела, все тогда хорошо окончилось, и все у нас идет по-прежнему. Хотя, в церковь мои родители теперь иногда все же заходят. Дело в том, что у нас с женой четыре месяца назад дочка родилась. Умница и красавица. Дед с бабкой на нее ну прямо надыхаться не могут, вот я и придумал хитрый ход, вернее, оно само как-то так сложилось. Я ведь алтарником служу, а жена моя поет на клиросе в нашем храме, и когда мы на службе, то с девочкой дома мои родители сидят. Но уж если нужно ребенка причастить, тут им не отвертеться - приходится самим собираться, брать девочку и идти в храм. Мама идет с радостью, а отец, хоть и хмурится и ворчит, но маму одну с внучкой в церковь отпускать боится. Правда, в храм заходит редко, все больше во дворе прогуливается с коляской. Но мне и это - в радость. Ведь еще полгода назад даже представить моего отца внутри церковной ограды было невозможно. А тут - пожалуйста! У сына не вышло, а внучка - привела.

Объявления!

В честь 101-й годовщины со дня кончины **ПАВЛА ИВАНОВИЧА ХАРИТОНЕНКО** (1852-1914), известного мецената и строителя Троицкого собора пройдут поминальные богослужения:

26 июня 2015 года, пятница, 11:00 – панихида на могиле (*городское кладбище, около Петро-Павловского храма*)

28 июня 2015 года, воскресенье, 10:30 - заупокойная лития в Троицком архиерейском соборе

12 июля, в воскресенье, в Троицком соборе по окончании Божественной литургии будет раздача

СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ НОВОГО ЗАВЕТА

В акции принять участие может любой прихожанин, но при условии, что:

- экземпляр Слова Божия будет взят не себе и не своему воцерковленному знакомому, но подарен человеку, далекому от Церкви, но желающему узнать о нашей вере (*поэтому необходимо заранее конкретно решить, кому именно будет вручен подарок*);

- даритель обязан будет молиться за того, кто из его рук получит Новый Завет и помогать ему осмысленно проводить, как минимум, ближайший месяц в знакомстве с Евангелием: поговорить о сути Благой вести и о Господе Иисусе Христе, пригласить на богослужение и, по возможности, на личную встречу со священником.